

Н. С. Клименко, Н. А. Карелина, Е. Н. Дайлидова

Трансформация гендерной культуры современного общества: интерсекциональный подход

В современных гендерных исследованиях все более очевидным становится отказ от концепции бинарности гендерных оппозиций в пользу изучения внутригендерных различий. Актуальность заявленной темы обусловлена потребностью современного гуманитарного знания в более качественном анализе трансформаций гендерной культуры современного общества и более детальном изучении ее основных компонентов. Целью исследования является систематизация имеющихся представлений о внутригендерной иерархии в рамках интерсекционального и фрагментарного подходов, а также анализ специфики общественного восприятия культурных интерпретаций гендерной вариативности на основе проведенного авторами эмпирического исследования. Исходя из полученных результатов, авторы интерпретируют гендерную культуру общества с точки зрения ее базовых составляющих, формулируют и актуализируют основные концептуальные вопросы относительно ценностного содержания современной гендерной культуры. Результаты и выводы исследования способны стать основой для дальнейшего изучения внутригендерных различий с точки зрения интерсекционального подхода в рамках интерпретации репродуктивной составляющей гендерной культуры как одной из составляющих гендерного неравенства.

Ключевые слова: гендерные вариации, гендерная культура, гендерная нормативность, интерсекциональный подход, фрагментарный подход, гендер-квир, репродуктивная нормативность, репродуктивная дедовщина, штраф за родительство

Natalia S. Klimenko, Natalia A. Karelina, Elena N. Dajlidova

Transformation of the gender culture in the modern society: intersectional approach

In modern gender studies the rejection of the concept of binary gender oppositions in favor of studying intra-gender differences is becoming more obvious. The relevance of the stated topic is related to the need for modern humanitarian knowledge in a better analysis of gender cultural transformations in the modern society and in the more detailed study of its main components. The aim of the study is to systematize the present ideas about the intra-gender hierarchy within the intersectional and fragmentary approaches, as well as to analyze the specifics of public perception of gender variations cultural interpretation based on the empirical research conducted by the authors. Based on the obtained results, the authors interpret the gender culture of society from the point of view of its basic components, formulate and update the main conceptual issues regarding the value content of modern gender culture. According to the results of the study, it is concluded that the primary relevance of further study within the intersectional approach is the reproductive component of gender culture as one of gender inequality feature.

Keywords: gender variations, gender culture, gender normativity, intersectional approach, fragmentary approach, gender queer, reproductive normativity, reproductive hazing, fine for parenthood
DOI 10.30725/2619-0303-2023-3-50-55

Интерсекциональный анализ (как одно из направлений неофеминистской методологии) за последние пятнадцать лет приобрел популярность в рамках гендерных исследований. Его востребованность в современном академическом знании во многом обусловлена междисциплинарностью данного метода, позволяющей подмечать и анализировать проявления гендерного неравенства в сочетании с множественными альтернативными социокультурными

иерархиями. Само понятие «интерсекциональность» представляет собой метафоричный термин, обозначающий перекрест как «место пересечения множества неравнозначных магистралей с разнонаправленными транспортными потоками» [1, с. 16]. Под магистральями подразумевается многообразие параметров гендерного неравенства в сочетании с другими социокультурными характеристиками субъекта – раса, этничность, класс, образование и т. д.

Интерсекциональный подход подразумевает отказ от унифицированных маскулинных и фемининных моделей, что позволяет проанализировать, каким образом принадлежность к той или иной социальной или культурной позиции сказывается на повседневных гендерных практиках конкретного мужчины или женщины, а также, каким образом данная принадлежность закрепляет за определенным мужчиной или женщиной его или ее положение и статус в рамках гендерной культуры с точки зрения общественного сознания.

Фундаментальность и в то же время поливалентность интерсекционального анализа делают его достойным отдельных академических исследований с точки зрения его онтологической и эпистемологической составляющих. Одним из последних и наиболее значимых для нас подобных исследований является работа Анны Темкиной и Елены Здравомысловой [1], представляющая собой качественный методологический анализ интерсекциональности в рамках гендерного подхода к изучению культуры, специфики его применения в контексте российского общества, включающая в себя качественный литературный обзор как зарубежных, так и российских исследований по теме.

Мы не ставили своей целью углубляться в методологические характеристики интерсекционального подхода, так как анализ гендерных вариаций, на наш взгляд, не всегда подразумевает их оценку с точки зрения социокультурной иерархии. Фрагментация гендера в рамках фрагментарного подхода, подразумевающая выявление и изучение аспектов гендерной культуры (как взаимосвязанных, так и вступающих в определенную конфронтацию), представляется нам не менее полезным инструментом для качественного анализа традиционных и инновационных гендерных вариаций.

Фрагментарный подход в гендерных исследованиях позволяет более детально рассмотреть все те же пересечения гендера с такими понятиями, как класс, этнос, сексуальность, репродуктивность и т. д., но уже не с точки зрения гендерного неравенства, а с целью деконструкции и более детального анализа маскулинных и фемининных интерпретаций данных пересечений. К примеру, глубокий и всесторонний анализ родительства, т. е. репродуктивной составляющей гендерной культуры, представлен в работе Ольги Исуповой [2], изучающей

дискурсивные стратегии в рамках реализации материнских и отцовских практик. Некоторые авторы также обращают внимание на специфику соотношений внешности и оценки репродуктивных возможностей субъекта на уровне общественных оценок и предписаний [3; 4].

Интерсекциональность и фрагментация гендера неизбежно присутствуют в повседневной культуре как на эксплицитном, так и на имплицитном уровнях. Одним из упрощенных примеров гендерной интерсекциональности и гендерной фрагментации, с точки зрения повседневных практик, может служить практически любая анкета на сайте знакомств. Например: «...познакомлюсь с девушкой русской, желательна брюнеткой, рост до 175 до 30 лет, стройной, без детей» (орфография и пунктуация сохранены. – *Прим. авт.*). Потенциальная избранница автора объявления оценивается не только с точки зрения гендерного аспекта, но и с точки зрения национальной принадлежности, возрастного критерия и критерия внешней привлекательности, реализации репродуктивных функций.

Сколько же существует гендерных вариаций? На наш взгляд, в современной ситуации многообразия социальных и культурных форм, очевидной неоднородности их маскулинных и фемининных интерпретаций ответить на данный вопрос вряд ли представляется возможным. Находясь на пересечении культурных традиций и инноваций, гендерные вариации не представляют собой нечто статичное, так как сфера традиций даже в самой ортодоксальной культуре на сегодняшний день не ограничена четкими рамками [5, с. 123].

Более актуальным вопросом, чем определение четких количественных показателей гендерных вариаций, мы считаем проблему их качественного восприятия как на уровне общественного сознания, так и на уровне индивидуального сознания. С целью получения информации о первичном понимании самого понятия «гендерная вариация» на уровне общественного сознания нами был проведен онлайн-опрос открытого типа, в котором мы предлагали респондентам на основе собственных идей продолжить фразу «гендерная вариация – это...». В опросе приняли участие 100 респондентов – граждане Российской Федерации, мужчины и женщины от 19 до 52 лет, в число опрашиваемых были включены пользователи социальной сети «ВКонтакте», также

некоторых участников удалось опросить посредством электронной почты и популярных мессенджеров.

Наиболее частым вариантом определения респондентами понятия «гендерная вариация» явился «гомосексуализм» (41% опрошенных), некоторые участники наравне с гомосексуализмом отметили «бисексуальность» (12%), вторым по популярности стало определение гендерной вариации как «транссексуала» или «трансгендера» (24%), трое человек из опрошенных представляли себе гендерную вариацию как «асексуальность». Также довольно популярным оказался ответ «чайлдфри» (7% опрошенных), что, на наш взгляд, может быть следствием популярности и активного обсуждения данного явления в интернет-пространстве в рамках множественных дискуссионных форумов и пабликов, посвященных гендерной проблематике.

Анализируя результаты исследования, можно прийти к выводу, что большинство респондентов интерпретирует гендерную вариацию на уровне сексуальности и идентичности. А точнее – как проявление антинормативной сексуальности (гомосексуализм, бисексуализм, асексуализм) и антинормативной гендерной идентичности (трансгендер/транссексуал). Само же понятие «вариация» по отношению к гендеру воспринимается респондентами скорее не как разнообразие, а как инаковость, антинормативность. Разнообразие в границах гендера большинство трактует не с позиции различий, а с точки зрения оппозиционности.

Тот факт, что некоторые участники опроса отнесли к гендерной вариации сознательную бездетность («чайлдфри»), является определенным подтверждением нашего тезиса о важности репродуктивной составляющей в процессе фрагментации гендерных структур и их оценок с точки зрения интерсекциональности, т. е. социального и культурного гендерного неравенства.

Значимость репродуктивной составляющей в контексте проблематики гендерной иерархии все чаще обращает на себя внимание современных исследователей. К примеру, автор Alisa Zhabenko исследует трудности реализации материнских практик женщинами с нетрадиционной сексуальной ориентацией в российском обществе, трактуемом ей как «queer unfriendly» [6, p. 322–323]. Понятие «гендер-квир» (от

англ. «queer» – неправильный, странный) используется для определения небинарной гендерной идентичности, которая на сегодняшний день может иметь множество интерпретаций в рамках ЛГБТ-сообществ. Сам термин «queer» в последнее время может встречаться не только в социологических и культурологических, но и в медицинских исследованиях, затрагивающих биосоциальные проблемы операбельного трансгендерного перехода [7].

Возвращаясь к проведенному нами эмпирическому исследованию, мы хотим отметить отсутствие понятия «гендер-квир» в числе ответов наших респондентов, что можно расценивать как недостаточную его популярность в контексте российской повседневной коммуникации по сравнению с понятием «трансгендер».

Мы признаем методологические ограничения данного опроса, как с точки зрения выборки, так и с точки зрения качественной и количественной репрезентативности. Безусловно, показателей данного исследования недостаточно для глубоких социологических и тем более культурологических выводов. При этом результаты опроса все же демонстрируют любопытные данные, способные указать на одно из возможных направлений последующих исследований внутригендерных различий в контексте изучения гендерной культуры современного общества.

На основе качественного анализа полученных в рамках проведенного опроса показателей мы считаем целесообразным сфокусировать внимание на таких компонентах гендерной культуры, как сексуальность, гендерная идентичность, репродуктивность. Изучение гендерных интерпретаций социокультурного поля в рамках представленной структуры актуализирует ряд концептуальных вопросов, затрагивающих проблему ценностных оснований гендерной культуры современного общества, а также проблему соотношения гендерного неравенства и гендерного разнообразия.

Каким образом нормативная или антинормативная сексуальность определяет социальное и личностное благополучие субъекта? Что можно отнести к ненормативной сексуальности – только ли нетрадиционную сексуальную ориентацию? Является ли беспорядочная половая жизнь антинормативным сексуальным поведением биполярным асексуализмом? Если асексуальное поведе-

ние субъекта является не результатом его личного выбора, а следствием проблем со здоровьем (фригидность, импотенция и т. д.), корректно ли относить их к одной группе сексуально ненормативных субъектов? Что такое в принципе «нормативная сексуальность», и каким образом она транслируется в рамках культуры конкретного общества? Каким образом сексуальная нормативность или сексуальное «инакомыслие» определяет положение мужчины и женщины в социокультурной иерархии?

Как сексуальность соотносится с гендерной идентичностью? Всегда ли гетеронормативная сексуальность соответствует нормативной бинарной гендерной идентичности? Гендерная идентичность – результат личного выбора, продукт социальной культуры или в ее основе лежит эссенциальная составляющая? Каким образом отказ субъекта от бинарной гендерной идентификации сказывается на его или ее дальнейшей судьбе в рамках конкретного общества? Насколько проблема «гендер-квир» актуальна для российского общества? Каковы перспективы российского «квир-пути»?

И, наконец, репродуктивность. Репродуктивные стратегии субъекта во многом коррелируют с его или ее сексуальными практиками, гендерной идентификацией и гендерной самопрезентацией. Существует ли понятие нормативной репродуктивности? Имеет ли нормативная репродуктивность преимущественно прокреационную направленность? Всегда ли репродуктивное «инакомыслие» сопряжено с ненормативной сексуальной дискурсивностью? Каким образом активная реализация или сдерживание мужчиной или женщиной собственной фертильности определяет его или ее положение в гендерной иерархии, и определяет ли в принципе?

Множественность и варибельность концептуальных вопросов в рамках системы «гендер – сексуальность – гендерная идентичность – репродукция» влечет за собой потребность в более качественном анализе и изучении социокультурных репрезентаций вышеуказанных категорий как с точки зрения интерсекционального подхода, так и с точки зрения фрагментарного и системного анализа гендерной структуры в рамках конкретного общества.

Не имея своей целью нивелировать значение сексуального поведения и вопроса гендерной идентификации и соци-

лизации как неотъемлемых составляющих гендерной культуры, мы все же выделяем репродуктивную составляющую как наиболее актуальную и проблематизированную в рамках гендерной культуры современного общества.

Обращаясь к гендерной культуре непосредственно российского общества, учитывая результаты проведенного исследования, авторы приходят к следующему выводу: несмотря на то, что проблема личного самоопределения и социальной реализации гомосексуалистов, транссексуалов и представителей «гендер-квир» также присутствует в современном российском обществе [8, с. 83], масштабы ее эксплицированности несоизмеримо ниже по сравнению с большинством западных стран. Данный факт можно объяснить латентностью и замалчиванием указанной проблематики, гетеронормативным характером российской культуры и российского законодательства, негативной коннотацией гомосексуализма и транссексуализма на уровне общественного сознания.

Не обесценивая академическую значимость социокультурных исследований российского квир-пути, мы полагаем, что данная проблематика (по крайней мере, на сегодняшний день) уступает российской демографической, а соответственно и репродуктивной повестке. В последнее десятилетие актуализация репродуктивной тематики становится очевидной как на уровне демографической политики государства, так и на академическом уровне – не только в рамках демографических и социологических, но и культурологических исследований.

Демографическая политика большинства развитых стран, в том числе и Российской Федерации, направлена на стимулирование рождаемости и ликвидацию негативных демографических последствий второго демографического перехода, при этом репродуктивные стратегии и репродуктивные практики субъектов становятся все более далеки от прокреационной направленности.

Консервативный пронаталистский заказ в отношении родительских практик со стороны государства вступает в очевидное противоречие не только с фактом неблагоприятной экономической ситуации в стране, но и с неоднородностью и индивидуалистической ориентированностью системы ценностей современных российских

мужчин и женщин. В то время как на уровне демографической и семейной политики нормативная репродуктивность продолжает маркироваться как прокреационная, на микросоциальном уровне (в рамках отдельной семьи), а также на уровне индивидуального сознания прокреационная нормативность все чаще ставится под сомнение и перестает соответствовать современным социокультурным реалиям российского общества.

Популяризация философии сознательной бездетности и снижение прокреационных настроений в обществе находят свое отражение не только в широком распространении соответствующих тематических сообществ в интернет-пространстве, но и в повышении интереса к данной проблематике со стороны исследователей (В. Н. Архангельский, М. М. Бичарова, Э. И. Гараева, И. Н. Дашковская и др.). Однако стоит отметить, что данная проблема преимущественно изучается в рамках демографических, социологических и психологических исследований, в то время как изучению культурной составляющей антинаталистских настроений, на наш взгляд, в современной науке не уделено должного внимания.

Социокультурный анализ современной российской демографической ситуации неизбежно сталкивается с необходимостью изучения противоречивого сочетания архетипа русской женщины-матери [9], русской религиозной философии материнства как священного долга каждой православной женщины [10] с нарастающими антинаталистскими настроениями преимущественно на микросоциальном уровне. Данное противоречие неизбежно ставит перед исследователями ряд концептуальных вопросов, частично раскрываемых нами ниже.

Каким образом соответствие или противопоставление себя нормативному прокреационному репродуктивному дискурсу определяет положение и статус мужчины или женщины в рамках современной гендерной культуры? С одной стороны, тематический анализ интернет-коммуникаций в рамках обсуждения соответствующей тематики, несмотря на широкое распространение антинаталистских настроений и их проявлений в рамках специализированных онлайн-сообществ, все же позволяет сделать вывод о преимущественной консервативности и даже определенной

ригидности российского общественного сознания по отношению к репродуктивным стратегиям. Особенно очевидно эта ригидность проявляется в отношении женской репродуктивности, женское предназначение до сих пор воспринимается обществом преимущественно как пронаталистское. Реализация материнского опыта воспринимается многими российскими женщинами как своеобразная форма фемининной инициации, повышающей социальный статус женщины и артикулированной в форме ставшего популярным в сети Интернет понятия «репродуктивная дедовщина». Репродуктивная дедовщина как упрощенное понимание репродуктивного насилия и социального репродуктивного принуждения является своеобразным проявлением гендерного неравенства в рамках фемининной социокультурной иерархии. С точки зрения анализа взаимосвязи маскулинной статусности и реализации мужчиной своего прокреационного сценария мужское сообщество, как и российское общество в целом, не демонстрирует подобной категоричности, как при оценке фемининной прокреативности.

С другой стороны, следование нормативному репродуктивному сценарию влечет за собой определенные ограничения в реализации социального, творческого и карьерного потенциала субъекта. Данное противоречие также преимущественно относится к реализации именно материнских, а не отцовских практик. Валерия Уткина называет данный феномен «штрафом за родительство», замедляющим движение женщины по карьерной траектории [11, с. 264–266].

Таким образом, очевидные противоречия в доступности реализации благоприятных материнских и отцовских репродуктивных сценариев и их оценки со стороны общества и государства указывают на академическую значимость проблемы современной репродуктивности как неотъемлемой составляющей культуры. В связи с чем актуализируется необходимость изучения глубинной взаимосвязи философских оснований материнских и отцовских архетипов русской культуры и современных фемининных и маскулинных российских репродуктивных стратегий. Анализ отдельных аспектов репродуктивности в рамках интерсекционального и фрагментарного подходов имеют стратегически важное практическое значение как для российской

демографии, так и для позитивной культурной динамики в целом.

Логическим продолжением данного пропедевтического исследования мы видим более детальную фрагментацию концепта репродуктивной культуры, концептуальный анализ репродуктивных стратегий российских мужчин и женщин – от наиболее консервативных до инновационных, качественную систематизацию маскулинных и фемининных интерпретаций репродуктивной культуры современного российского общества.

Список литературы

1. Темкина А. А., Здравомыслова Е. А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 5 (20). С. 15–38.
2. Исупова О. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 3 (12). С. 381–396.
3. Меннингхаус В. Цена красоты: польза и вред от ее обожания // Логос. 2009. № 4/5. С. 177–185.
4. Лескинен М. В. Красота по-русски в российских научных народоописаниях: из истории национальной антропозстетики второй половины XIX в. // Вопросы национализма. 2018. № 1. С. 139–154.
5. Улинова И. Х. Динамика традиций в культуре: общая характеристика и фактор взаимодействия с инновациями // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 4 (41). С. 123–130.
6. Zhabenko A. Russian lesbian mothers: between “traditional values” and human rights // Journal of Lesbian Studies. 2019. № 3 (23). P. 321–335.
7. Sudenkaarne T. Queer crip: Rethinking bioethics of surgery for gender and sexual variance // Surgery. 2022. № 172. P. 1021–1023.
8. Кирей-Ситникова Я. Сбор демографической информации о трансгендерных респондентах: методологические рекомендации // Демографическое обозрение. 2022. 1 (9). С. 82–90.
9. Бердяев Н. А. О «вечно бабьем» в русской душе // Библиотека «Вехи»: сайт. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/rozanov.html> (дата обращения: 01.07.2023).

10. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Санкт-Петербург: София, 1991. Т. 1. 348 с.

11. Уткина В. В., Гаспарян С. А. Ограничения при приеме на государственную гражданскую службу в РФ молодых женщин (на основе эксперимента) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 259–279.

References

1. Temkina A. A., Zdravomyslova E. A. Intersectional turn in gender studies. *The journal of sociology and social anthropology*. 2017. 5 (20), 15–38 (in Russ.).
2. Isupova O. Birth as a value in the Internet discourse of subfertile women discussing egg donation and surrogate motherhood. *The journal of social policy studies*. 2014. 3 (12), 381–396 (in Russ.).
3. Menninghaus V. The Price of Beauty and Harm Caused by its Adoration. *Logos*. 2009. 4/5, 177–185 (in Russ.)
4. Leskinen M. V. Russian Beauty in Russian Scientific Folk Descriptions: from the History of National Anthropoesthetics of the second half of the XIX century. *The Questions of nationalism*. 2018. 1, 139–154 (in Russ.).
5. Ulinova I. Kh. Dinamic of traditions in culture: general characteristics and factor of interaction with innovations. *Bulletin of Sankt-Petersburg State University of Culture*. 2019. 4 (41), 123–130 (in Russ.).
6. Zhabenko A. Russian lesbian mothers: between “traditional values” and human rights. *Journal of Lesbian Studies*. 2019. 3 (23), 321–335.
7. Sudenkaarne T. Queer crip: Rethinking bioethics of surgery for gender and sexual variance. *Surgery*. 2022. 172, 1021–1023.
8. Kirey-Sitnikova Y. Collection of demographic data of transgender respondents: methodological recommendations. *Demographic Review*. 2022. 1 (9), 82–90 (in Russ.).
9. Berdyaev N. A. About the “eternally feminine” in the Russian soul. *Library “Milestones”*: site. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/rozanov.html> (accessed: July.01.2023) (in Russ.).
10. Fedotov G. P. Fate and Sins of Russia. Sankt-Petersburg: Sophia, 1991. 1, 348 (in Russ.).
11. Utkina V. V., Gasparyan S. A. Restrictions for young women to enter the civil service in the Russian Federation (based on an experiment). *Monitoring of Public Opinion: economic and Social Changes*. 2019. 6, 259–279 (in Russ.).